

Клод Изнер

Клод Изнер

КОРИЧНЕВЫЕ
БАШМАКИ
С НАБЕРЕЖНОЙ
ВОЛЬТЕРА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44
ИЗ7

Оформление обложки *Александра Кудрявцева*

Перевод с французского *Ольги Павловской*

Права на издание приобретены
при содействии *А. Лестер*

Перевод с французского осуществлен по изданию
«Les souliers bruns du quai Voltaire»
Éditions 10/18, Département d'Univers Poche, 2011

Изнер, Клод.

ИЗ7 Коричневые башмаки с набережной Воль-
тера : [роман] / Клод Изнер; [пер. с фр. О. Пав-
ловской]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. —
416 с.

ISBN 978-5-17-092946-7

Новый, 1898 год начался для парижан с изве-
стия об убийстве книготорговца. А его коллеги по
профессии и сыщики по призванию Виктор Легри
и Жозеф Пиньо в очередной раз дали близким род-
ственникам клятву навсегда покончить с опасными
расследованиями. Но как же можно оставаться в
стороне, если на набережной букинистов, где тру-
дится крестный отец Жозефа, найден обезглавлен-
ный труп и череда таинственных преступлений, в
которых фигурируют... конфитюры и старинный
манускрипт, продолжается?

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

© Éditions 10/18,
Département d'Univers Poche, 2011
© Павловская О., перевод, 2013
© ООО «Издательство АСТ», 2015

ISBN 978-5-17-092946-7

В память о Йорисе Ивенсе

*Посвящается Октаву Узанну, Шарлю Додеману,
Морису Корбу, Луи Лануазле, Морису Пернетту,
Ги Сильве, историографам набережных Сены
и букинистам, чьи заметки помогли создать
атмосферу этой книги*

Нашим любимым

Измочены ливнем, истрепаны ветром
Книги-бедняги. Над парашютом
Страницы развеет дыхание Сены,
Мелькнет на заглавном листе посвященье...

Жорж Фурэ

Из сборника «Негротьянка-блондиночка»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Пятница, 31 декабря 1897 года

От ворот Сен-Дени до площади Мадлен протянулись рождественские ярмарочные ряды, меж ними плескалось море цилиндров, котелков, шубеек и рединготов, люди толклись у прилавков, заваленных безделушками, поздравительными открытками, нотами модных песенок, игрушками; были там явлены широкой публике и хитроумные изобретения, которым предстояло в скором времени пойти в народ. У входа в бистро владельцы выставляли целые корзины устриц, и те опустошались в мгновение ока; отцы семейств с чадами и домочадцами штурмовали мясные лавки, украшенные гирляндами из кровяной колбасы; пивные гостеприимно распахнули двери, и внутри уже набирали обороты веселые пирушки.

Возле афиши Стейнлена* какой-то оборванец сгорбился над жаровней, раздувая огонь под сковородкой,

* Теофиль-Александр С т е й н л е н (1859–1923) — французский художник, представитель реализма и модерна. (Здесь и далее «звездочками» отмечены примеч. пер.)

полной каштанов. Отсветы пламени упали на пару коричневых башмаков, чьи подошвы проскрипели мимо битумной крошкой, устремляясь дальше по тротуару.

В паре шагов от музея Гревен* уличный фотограф зазывал клиентов:

— Портретик на ходу! Не скупердяйтесь, любезный! Всего десять су! Ну-ка, улыбочку!

По коричневым башмакам захлопали полы плаща, башмаки потоптались на месте и, свернув с дороги, спешно направились к пассажиру Жуфруа.

На улице Гранж-Бательер шум праздничной толпы, затопившей бульвар, превратился в отдаленный глухой ропот. Справа от входа в подъезд доходного дома красовалась позолоченная табличка:

Мэтр Ж. Франсуа
нотариус
5-й этаж, налево

Каблуки коричневых башмаков простучали по плитам вестибюля до каморки консьержа, и раздался голос:

— Я к мэтру Франсуа. Откройте, будьте добры.

Застекленная створка, отделявшая вестибюль от монументальной лестницы, скрипнула и отворилась, а в последнюю секунду перед тем, как она захлопнулась, чья-то рука проворно подсунула кусочек картона под язычок замка. И не подумав воспользоваться лифтом, некто в коричневых башмаках, закутанный в плащ с капюшоном, взбежал по ступенькам. На пятой лест-

* Музей Гревен — один из старейших в Европе музеев восковых фигур на бульваре Монмартр.

ничной площадке некто разулся, тихо поднялся на антресольный этаж и нажал на кнопку звонка.

Обитатель квартирки открыл гостю дверь — и отшатнулся, попятился в глубь прихожей, увидев нацеленный на него нож.

Понедельник, 3 января 1898 года

УБИЙСТВО КНИГОТОРГОВЦА

Вчера утром книготорговец г-н Состен Ларше, проживавший на антресольном этаже доходного дома на улице Гранж-Бательер и там же осуществлявший коммерческие сделки, найден мертвым. Смерть наступила в результате многочисленных ударов ножом. Г-н Ларше, прозванный Живодером, продавал поштучно гравюры и миниатюры, вырванные из книг. То бишь можно сказать, что его постигла та же участь, каковую он уготовил многим библиофильским сокровищам. Книготорговец был привязан к стулу в собственном жилище, кисти и лодыжки стянуты бечевкой, лицо покрыто синяками. Распотрошенные книги, сброшенные с полок, валялись грудями на полу. По мнению судмедэксперта, убийство было совершено в канун Нового года, и, вероятно, именно поэтому соседи ничего не слышали. Тридцать первого декабря около пяти часов вечера консьерж впустил в дом кого-то из нотариальной конторы мэтра Франсуа, проживающего в пятом этаже. Исчезло ли что-то из собрания книг, неизвестно.

Человек дочитал заметку и отшвырнул газету, процедив сквозь зубы:

— Ну надо же до такого дойти! Глупость несусветная...

Впрочем, еще оставалась надежда, что развитие событий пока не достигло точки невозврата.

Он коснулся клавиш клавесина, и из-под пальцев полилась мелодия, тотчас снявшая нервное напряжение. Виртуозное владение инструментом, красота его музыкальных сочинений снискали человеку в свое время прозвище Амадей. В устах друзей это имя было классической шуткой и манерой показать собственную эрудицию — мало кто из них действительно слышал произведения Моцарта.

Амадей взял последний аккорд и опустил крышку клавесина. Мысли его устремились в прошлое, к тому злополучному дню 1792 года, когда был утрачен драгоценный манускрипт.

Во все времена книги становились объектом уничтожения. Миссионеры Нового Света истребили тысячи рукописей, заподозренных в пропаганде идолопоклонничества, лишив тем самым человечество уникальных документов, хранивших сведения по истории и языкам коренных народов обеих Америк.

Музыкант прошелся по комнате. На протяжении веков повсюду на земле библиотеки горели и подвергались разграблению, но в глубине души он лелеял надежду, что вожделенный манускрипт избежал злых превратностей судьбы. И два года назад Амадей получил тому подтверждение из беседы с нотариусом сыновей герцога Кастельского. Бесценное книжное собрание герцога, рассеянное по библиотекам наследников, было выставлено на аукцион.

Амадей остановился перед зеркалом. Высокий гладкий лоб, нос с небольшой горбинкой, матовая кожа, четко очерченный рот придавали его лицу аристократическую утонченность, в которой не было, однако, и тени спеси. В своем квартале он слыл чудачком, и многие строили самые фантастические предположения о его происхождении. Он прогуливался по округе, зимой и летом облаченный в долгополый сюртук и синий шерстяной каррик* с бархатным подбоем. Белый галстук и панталоны в красную полосу дополняли наряд. Неизменно носил он также лайковые перчатки и темные кожаные башмаки с квадратными мысками, на плоском каблуке. Длинные волосы, перехваченные на затылке лентой, спускались из-под треуголки с загнутыми вверх кончиками полей. Возраст его определить на глазок было невозможно: тридцать пять, сорок?..

Амадей снимал третий этаж в особнячке на улице Жюстис. Если он выглядывал из окна и смотрел налево, перед ним открывался вид на резервуары в форме гигантской подковы, куда поступали воды из акведука Дюира и из Марны; увиденное больше походило на огромную прерию, нежели на гидравлическое сооружение. Справа же днем можно было различить вдали заставу Менильмонтана, линию городских укреплений и косогоры Баньоле и Монтрёя.

В пристроенном к особнячку хлеву замычала корова. Когда после долгих скитаний по Европе Амадей два года назад очутился в этом районе Парижа, его привлек как раз унылый сельский пейзаж с водохранилищем. Здесь он почувствовал себя в безопасности. Но

* Каррик — мужское пальто с несколькими пелеринками.

главное — здесь ничто не угрожало его бесценным документам.

Амадей, примостившись у краешка стола, пообедал омлетом с салом и кусочком окорока, затем попытался отвлечься от серьезных мыслей французским пасьянсом, да так и не разложил его до конца. Порывшись в чреве пузатого комода работы Шарля Крессана*, он выгреб на пол несколько ветхих манускриптов и перенес их на канапе, где дремал упитанный серый кот. Амадей уже не рассчитывал собрать «Воспоминания дипломата», написанные кардиналом Гранвелем, поскольку бóльшая часть оригиналов на пергаменте была утрачена. Зато он напал на след драгоценного манускрипта, находившегося в собственности наследников герцога Кастельского. Манускрипт фигурировал в каталоге аукционного дома Друо, датированном 18 апреля 1897 года, в группе лотов, имеющих отношение к истории Парижа. Его приобрел некий Состен Ларше.

Подобраться к этому человеку было непросто. Пришлось долго выпытывать его род занятий и адрес у оценщика, затем разведывать все о склонностях и пристрастиях надомного книготорговца. Но в конце концов Амадей нащупал его слабое место, нашел способ завоевать доверие. Состен Ларше оказался заядлым шахматистом. Достаточно было бросить ему вызов и пару раз проиграть, чтобы наладить приятельские отношения. Поначалу они устраивали шахматные турниры в бистро на бульваре Монмартр, потом Состен Ларше пригласил Амадея к себе на улицу Гранж-Бательер. Летом они сыграли множество партий вничью, и в перерывах Амадею

* Шарль Крессан (1685–1768) — мастер-мебельщик.

удалось втихаря составить опись жалких останков книг, уже лишенных переплетов, но пока не раздраконенных — как выяснилось, Ларше собирался сбыть их своим партнерам-книготорговцам или библиофилам. Амадей сразу испросил дозволения изучить повнимательнее несколько редких экземпляров, вытащил дюжину покалеченных томиков из стопки с табличкой «Недавние приобретения», и сердце его дало сбой, как только взгляд упал на тонкую книжицу с заглавием «Мемуары Луи Пелетье».

— Что это? — спросил он.

— Да ерунда какая-то в духе «Тайн природной магии Великого Альберта и Малого Альберта», — пожал плечами книготорговец. — Я приберег ее для одного постоянного клиента.

Амадей, воспользовавшись тем, что Ларше на минуту отлучился из комнаты, вырвал из книжицы один лист, скомкал его и сунул в карман. Можно было бы стащить и весь манускрипт, но книготорговец вернулся, убрал книжицу в ящик и запер его на ключ.

— Ваш ход, месье Амадей.

— Ах да, прошу прощения.

Амадей сосредоточился на шахматной доске, поразмыслил немного и пошел пешкой. Ларше пожертвовал слона, Амадей последовал его примеру. Решение было принято.

— А все-таки я везунчик, всегда так было, — сообщил Амадей своему отражению в зеркале с амарантовой рамой, висевшем на стене напротив канапе. И насмешливо подмигнул. — Никому не узнать, кто ты на

самом деле такой, приятель. Разве что котик про тебя кому шепнет, но коты на то и коты, чтобы только мяукать. Верно, Грипмино?

Польщенный вниманием к своей персоне, серый кот потянулся и плавно переместился на колени хозяина. Амадей достал украденный листок, расправил его и прочитал вполголоса:

Я, Луи Пелетье, пишу сие 10 августа 1830 года. Вчера палата депутатов провозгласила Луи-Филиппа королем Франции. Такова цена трех дней восстания и двух с лишним тысяч смертей. Что ж, клин клином вышибают, человек привыкает ко всему, и это новое правление не заставит свернуть с пути страстного обожателя старинных манускриптов, не помешает его изысканиям. Это ли не счастливая возможность завладеть за горбушку хлеба не каким-то там столовым серебром, а книгами, кои будут продавать на каждом углу в нынешнюю революционную пору? Такое уже бывало — после 9 термидора Париж уподобился огромному аукционному залу, где все шло с молотка: мебель, произведения искусства, ковры, белье, книги. Люди торговали всем подряд, лишь бы добыть себе пропитание. Набережная Вольтера превратилась в галерею гравюр, в музей переплетов, в библиотеку дворянских семей, подвергавшихся гонениям. Я напал на след. Надобно найти *Средину Мира*.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Суббота, 8 января 1898 года

Виктор склонился над колыбелью и провел пальцем по шелковистой щечке дочери. У Алисы резался зуб, она устала плакать, наконец заснула, и на ее личико, теперь безмятежное, легли отсветы таинственных снов, увлекших малышку прочь от этого мира. Крошечный кулачок она прижала ко рту, на губах бродила смутная улыбка — то вымученная, то радостная.

— Муки и радости, — прошептал Виктор, — два полюса человеческого бытия.

Он рассеянно приласкал кошку Кошку — та крутилась у ног, выпрашивая лакомство, — подхватил ее под брюхо и вынес в коридор. Кошка разразилась возмущенным мяуканьем, едва у нее перед носом закрылась дверь.

Кроватью между тем завладела Ташá. Она хоть и спала как убитая, но шестым чувством, вероятно, ощутила, что обе подушки теперь принадлежат ей, и торжествующе растянулась на спине, раскинув руки на все супружеское ложе. Виктор нежно поцеловал ее в мочку уха, и Таша сонно пробормотала: